

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> приятного чтения!

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков

Их везли ночью по темным городским улицам куда-то подальше от тюрьмы, но в какую часть города – Автух понять не мог. В крытой машине не было окон, не светилось нигде даже маленькой щели, ни внутри, ни снаружи ничего не было видно. Автух поначалу думал, что попал в тот самый «черный ворон», о котором наслышался в тюрьме и даже раньше – в деревне. Но, наверно, это был не «черный ворон», потому что, как он успел заметить ночью, когда их вывели в тюремный двор, это была машина хотя и большая, но не черная. И что-то короткое было написано на ней, он не разобрал что – не дали. Начали толкать, чтобы быстрее залезали в ее темное нутро, а у него как раз развязались оборки на лапте, и он, согнувшись, стал их завязывать. И тут же получил злой пинок в зад – от того конвоя или как его – молодого худощавого военного с усиками, который сегодня распоряжался ими.

Автух торопливо влез в машину, где уже сидели человек шесть его спутников, и согнулся у самых дверей, которые тут же со скрипом закрылись. Машина поползла-поехала со двора, через ворота, затем по улицам, поворачивая то в одну сторону, то в другую. Слева от Автуха сидел мужчина в кожанке; когда Автуха арестовали, он видел его в кабинете следователя. Но почему он теперь тут? Тоже арестован или везет их в другую тюрьму? А может – на свободу? За что же судить Автуха, какой из него польский шпион? В Польше не был ни разу, жил вот только вблизи границы. На хуторе. И единолично...

Вот в этом, что единолично, наверно, самый большой его грех. Из-за этой одиночности он за год нагоревался столько, что другому хватило бы на всю жизнь.

– Э, товарищ... А, товарищ, – деликатно подтолкнул он локтем соседа в кожанке. – Не знаете, куда это нас?

– На кудыкину гору, – не сразу и со злостью ответил сосед, недавний следователь отдела НКВД Сурвило.

Этот Сурвило не то, что Автух: он и в темноте с закрытыми глазами мог бы определить их маршрут. Давно и хорошо он знал эту дорогу – от городского центра на окраину и дальше, через пригородную деревню, к недалекому леску, где было наркоматское стрельбище. Еще недавно сам туда возил таких же, когда служил в комендатуре. Потом, как перевели в следственный отдел, раза два выезжал на упражнения в стрельбе из личного оружия – пистолета ТТ. Раньше все чекисты управления были вооружены револьверами системы «наган», а в прошлом году, в первую очередь следователям, выдали новенькие ТТ – удобные плоские пистолеты с черными щечками на рукоятках. Из них и стреляли. Он тогда сдал упражнение на «хорошо». А теперь эти упражнения будут сдавать другие. На практике. На их затылках...

По тому, как машину стало бросать из стороны в сторону, Сурвило понял, что они выехали из города. Где-то сбоку в темноте ютится небольшая пригородная деревушка, а их ждет поворот налево, от которого... От которого до цели, до последней межи, считай, совсем ничего, каких-нибудь полчаса езды, и все. Все навсегда закончится.

То, что быстро все закончится, его, однако, не очень и волновало. К этому он готов был месяц назад, даже до суда, знал: его не помилуют. Прибьют. Потому что то, в чем его обвиняли, вообще-то было правдой: допускать и превышение, и незаконные методы – и бил, и ломал кости – «давал дрозда». Но разве он один? В их управлении так работали все – старались, ночей не спали, выбивали все, что можно было выбить из арестованных. А те, проклятые враги, тоже мотали им нервы, ни за что не хотели признаваться – выкручивались, обманывали следователей и даже, уже подписав признание, отказывались от него на суде. И все бубнили свое: ничего не знаем, ни в чем не виноваты. Не вредили, не шпионили, никого не вербовали. И надо было выбить – и признание, и свидетельства, фамилии, даты, встречи. Иногда перебирал, это правда. Но для пользы дела, не для себя.

Тот Семух отдал концы прямо в его кабинете. Что умер, не велика беда, только вот все забрал с собою. А на него была надежда. Как всыпали ему хорошо, начал кое-что рассказывать. Думали через него раскрутить всю их организацию. А он взял и умер...

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Купцова застрелил из того новенького ТТ. Но Купцов бросился на него с кулаками. А кулаки у двухметрового кузнеца из прессовочного цеха такие, что двумя ударами мог уложить навсегда. Хорошо, что Сурвило успел применить оружие. Так что, как смотреть, как обвинять. Если строго, согласно новой правозаконности, то, может, и правильно – он виноват. Но если по революционной, пролетарской... Впрочем, он особенно и не оправдывался – признал все. Но в глубине души хотелось надеяться, что накажут не очень. Все же он не контра, не польский шпион или белорусский националист. Он же свой брат, чекист. Должны же это учесть. И теперь ему обидно, что не обратили внимания на разницу между ним и настоящими врагами народа, пихнули в эту машину со всеми вместе. С этими шпионами и вредителями, националистом и даже недорезанным буржуем. Сунули в одну машину да еще, гляди, бросят в одну яму. Это ведь явный оппортунизм, правый уклон. Или даже вредительство в самих органах.

В машине царил тишина, только слышно было, как стучат колеса по брусчатке и что-то поскрипывает в углу будки, особенно когда машина попадала на выбоину.

– Так! На кудыкину, говорите? – не мог чего-то сообразить Автух и совсем приуныл от плохого предчувствия.

Видимо, это предчувствие его слишком угнетало, и вскоре он снова зашевелился в темноте. Где-то тут рядом сидел его земляк, из одной деревни даже, хотя и вдвое моложе его, с такой же, как у него, фамилией – Козел. Когда тот стал учителем и начал писать стихи, сменил эту неудачную фамилию и подписывался под стихотворениями, что иногда печатались в газетах, так: Феликс Гром. Правда, Автух его стихи не читал, только слышал о них от людей. И на следствии у него спрашивали больше о том, как этот Феликс Козел-Гром завербовал его в свою шайку.

Теперь Автух тихо позвал:

– Феля, а феля!

– Ну! – послышалось сзади в машине.

– Куда это нас везут?

– На исполнение приговора, – с недобрый надломом в голосе ответил Феликс.

Но такой ответ еще больше встревожил Автуха.

– Неужели на расстрел?

– А ты думал...

– Но я... Я ведь думал... Может, они...

– Помолчи лучше! – оборвал разговор земляк, которому, судя по всему, было не до этого.

И в самом деле, разговаривать Феликсу было просто трудно, после допроса у него душа болела в груди, было не вздохнуть. Он только удивился детской непонятливости дядьки Автуха – не знает куда везут, не хочет поверить, что все окончено. Позавчера был суд – десять минут чтения заранее приготовленных бумажек, из которых еще до приговора все стало понятно. Видимо, ничего не понял из них его односельчанин Автух. Или все еще думает о своем оставленном единоличном хозяйстве у леса?

Феликс Гром давно перестал думать и о родном селе, и о Минске, где жил и учился, когда поступил в педагогический техникум, и даже о своей поэзии, сборник которой уже подготовил к печати и весной сдал в издательство. Теперь ему уже не видеть того сборника, который, видимо, казнили раньше автора. Во время следствия на допросах разные следователи цитировали страницы его арестованных стихотворений – читали, подчеркивали разными карандашами, бдительно выискивая хитро замаскированную крамолу. «Восходит утро огневое сквозь тучи родины моей...» что означают эти ваши тучи? Ничего, кроме того, что значат тучи вообще. Э, нет, в поэзии тучи – это что-то другое, говорили литературоведы с наганами на боку. Это на небе тучи есть тучи, а здесь что-то другое. Тайное. Так что такое эти тучи? Что вы понимаете под утренними тучами?

Он ничего не хотел понимать под тучами, зато что-то понимали они, но ему не говорили. Он должен был сам догадаться о том, что они думают, и подсказать от себя. Это было бы признанием, которого так добивались от него, и ему было бы куда лучше. Но он не догадывался и не признавался. Тогда его били – палкой по ногам, сапогом в грудь, не давали спать трое суток.

А потом начали шить шпионаж в пользу Польши. И прицепили к нему дядьку Автуха, что жил на хуторе за деревней и не вступал в колхоз. А он с тем Автухом и разговаривал всего один раз прошлым летом, когда приезжал из Минска к больному отцу. Пришел тогда попросить лошадь, чтобы съездить к доктору. Но дядька Автух лошадь не дал, сказал, чтобы взял в колхозе, а ему надо успеть свезти сено, пока не начался дождь. И говорили-то всего пять минут. И вот теперь за эти минуты – расплата. Оба – к высшей мере.

– Ну чего вам не сидится? Все крутитесь, как на сковороде, – послышался недовольный голос в темноте.

– Хоть бы выглянуть где. Тут же деревня моя – Зеленый Луг, – ответил тот, что крутился.

– Ты же городской, говорил, – отозвался от дверей Сурвило. – Показывал на допросе: из Комаровки.

– То жил я на Комаровке. Когда на железке работал. А родился в Зеленом... Да.

– Вот – выясняется! – сказал Сурвило. – А то все – рабочий, железнодорожник. Путаете что-то, Шостака.

– Ничего не путаю. Происхождением из деревни. Но рабочий. Это надо взять во внимание! И партийный!

– Был, – коротко объявил Сурвило.

Реплика бывшего чекиста затронула больную струну в раненой душе рабочего Шостака, заговорившего как о чем-то недосказанном и больном.

– Был и остаюсь. Уже не откажусь, не такой. Перед партией я чистый.

Машину сильно подбросило на какой-то колдобине, поэт Феликс Гром даже вскрикнул от боли внутри. Кто-то впереди в темноте выругался:

– Падлы! И перед концом не могут по-людски! В бога-душу их мать!

– А потише нельзя? – со злостью упрекнул Сурвило.

– А что потише? Тише-тише! Да пошли вы...

– Ты кто? Как фамилия?

– А тебе что? Ты следователь?

– А хотя бы и так.

– Ну, Зайковский. Если следователь, то, наверно, записано в вашем сраном приговоре. Такую их мать!.. Да не наваливайся ты так, буржуйский чмырь! – выверился он на кого-то в темноте. – У меня вот рука сломана...

Здоровой рукой Зайковский придерживал плечо соседа, который на поворотах прислонялся к нему, и тогда остро болела сломанная лопатка. Перелом был внутренний, закрытый, случился неделю назад на допросе, когда его с полчаса отхаживали два следователя – молодой, тонкий, как глист, и пожилой – усатый, с орденом на гимнастерке. Добивались его подписи, что он – польский шпион, связанный с дефензивой, по прозвищу Млынец. Но Зайковский не был лазутчиком, тем более Млынцом, потому что был обыкновенным московским грабителем, который надумал спрятаться от угрозыска в Минске. В Москве за ним числилось аж восемь ограблений, хотя, правду говоря, их было больше (не меньше четырнадцать), и он все как-то выкручивался, не давался в руки ни уголовному розыску, ни ГПУ, ни

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru милиции. Пока его не выдала любовница Ванда. Подлая стукачка Ванда сначала пригрела, а потом продала. Хорошо еще, что он такой верткий и убежал из милиции, замочив одного мильтона. И сообразил, что в Москве его дела закончились, надо рвать когти. Тогда он вспомнил, что в Минске когда-то проживал его дядя, с которым он не виделся со времен нэпа. Приехав, долго искал нужный ему номер на какой-то Заславской улице, а когда нашел, понял, что дал маху: дядя куда-то вытряхнулся, в домике с зеленым садиком жили другие люди, которые о дяде и не слышали. Где было его искать, где ночевать даже? Пошел на вокзал. Знал ведь: вокзалы – не самое лучшее место для таких, как он, бродяг. Но здорово находился за день, устал, как раз пошел дождь, и он решил посидеть немного, обсохнуть. Но не выдержал – заснул. На вокзале его и взяли. Просто так, с улыбочкой, два мильтона попросили пройти. Вот и прошел свой довольно короткий, путанный путь – от вокзальной скамьи до скамьи подсудимых. И теперь – высшая мера.

Если бы не эта лопатка, он бы, конечно, рискнул. Была еще сила, еще не всю выбили на костоломных допросах. Но с такой лопаткой, считай, однорукий. А с одной рукой – все, кранты. И Зайковский только кусал губы – от боли и от отчаяния, что ничего не мог изменить в своей несложившейся судьбе.

Между тем обруганный им буржуйский чмырь Валерьянов отвернулся от сварливого соседа и не проронил ни слова. Вообще он мало обращал внимания на то, что происходило вокруг, и привычно жил в мире собственных мыслей – единственном мире, куда он мог не пускать никого. Даже в тюрьме. Ни с плохим, ни с хорошим, что в это проклятое время могло легко превратиться в свою противоположность. Как и обыкновенное человеческое расположение, участие, которые оборачивались несчастьем. Двоюродная сестра Валерьянова, оказавшаяся после войны в Кракове, случайно узнала о незавидной судьбе брата, который зарабатывал на хлеб счетоводом в Минске и воспитывал двух маленьких девочек. Сестра решила отозваться. Весной, накануне католической Пасхи, Валерьянов получил на почте маленький пакетик с нездешними штампами и нашел в нем два детских платяца, белые чулочки, безопасную бритву для себя и пакетик конфет в блестящих обертках. Для его девочек это было огромной радостью, да и он порадовался – больше всего первой за пятнадцать лет весточке от сестрички-гимназистки, которую, думал, навсегда потерял в девятнадцатом году, когда они расстались в Киеве. Однако недолгой была эта их радость. Не прошло и месяца, как однажды под утро в дверь постучали. Жена Дуся вскочила с кровати и сразу запричитала – она уже предчувствовала, что это такое. Да и он догадался сразу, открыл дверь и уже не закрыл ее – закрыли за ним чужие. Так же, как и за женой, которая билась в истерике, кричала и бросалась на каждого из целой своры чекистов, перевернувших в их комнатенке все вверх ногами. Уже назавтра те платяца и чулочки стали на следствии вещественными доказательствами его шпионских связей с польской разведкой.

Это был его шестой арест после революции. Он уже устал оправдываться и на допросах в основном молчал, принимая оскорбления и побои как что-то закономерное и заслуженное. Между допросами жил воспоминаниями о своей давней, дореволюционной, такой не похожей на теперешнюю жизни. И там было разное, но была учеба, военная служба и даже два предвоенных путешествия – в Баварию и Австрийские Альпы. В Кракове он никогда не был и не думал, что этот незнакомый город так трагически прикоснется к его судьбе.

Иногда, когда немного стихал шум в камере, Валерьянов молился – разговаривал с Богом. Просил у него – не за себя – за двух маленьких деток, что остались теперь неизвестно где. Больше молиться ему было не за кого. Просить Бога за жену, видимо, не имело смысла – зная ее характер, Валерьянов думал, что по-хорошему с ней не обойдутся. А на зло она бросается, как тигрица, не посмотрит кто перед ней – следователь, конвоир или даже начальник тюрьмы, ее не остановят ни чин, ни сила. Арестовав, чекисты повели ее со связанными руками. Из собственного опыта Валерьянов знал, что такие характеры в тюрьме долго не выдерживают. Или их убивают, или они сами убивают себя. Потеряв в революции первую жену-дворянку, он женился на дворниковой дочери Дусе, думал, что теперь пришло их время. Но ошибся. Время настало, видимо, совсем непригодное ни для тех, ни для других. Не дали жить с Дусей, не дали жить и самой Дусе. И вот остались теперь две девочки-школьницы, что с ними будет?

О том, что вскоре будет с ним самим, Антон Аркадьевич не очень беспокоился, он понимал, что приговор ему вынесен не позавчера, а, наверно, еще в семнадцатом. И то чудо, что он прожил потом еще столько лет, – теоретически это было

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru невозможно, практически все-таки произошло. Только зачем? Что дали ему эти дополнительные годы жизни? Все время страх, риск, заботы – за себя, за жену, за маленьких детей. Все же, наверно, он плохо сделал, что женился и пустил на свет голытьбу, безотцовщину. На что надеяться малышам без отца и матери – на добрых людей? Но где те добрые люди. Перевелись до конца. Осталась надежда на светлое провидение, на Господа, который неужели не поможет? Неужели не возьмет под свою божескую опеку маленьких беспомощных ангелочков?

Колеса яростно бросали в них ошметки грязи. Кожанка Сурвило стала быстро намочить, как и рыжий суконный армяк Автуха. Они изо всех сил старались, упиравшись ногами в грязное дно лужи, но машина не трогалась с места, видно, здорово засела. Когда до Костикова это дошло, он крикнул шоферу, чтобы перестал газовать, жечь бензин по-глупому. Тяжело дыша, Сурвило с Автухом выпрямились. В это время из будки послышался глуховатый голос Шостака:

– Так это... Пустите и меня. Помогу...

– Давай! – сказал Костиков и, ступив одной ногой в грязь, открыл дверь.

Шостак выпрыгнул, и Костиков снова прикрыл дверь.

– А нужно ли? – тихо сказал ему Сурвило.

– Ничего! – махнул рукой помощник коменданта. – Не убегут...

Уже втроем они снова начали толкать машину, но все напрасно. Машина дергалась, дрожала от натуги, но не трогалась с места. Вместе с ней дергался всем телом в будке поэт Феликс Гром. Он думал, что, наверно, надо было бы и ему вылезть и помочь, все же неудобно сидеть, когда рядом надрываются люди. Он враг. И, видимо, куда больший, чем его односельчанин Автух или рабочий-партиец Шостак, не говоря уже об этом чекисте Сурвило. Чего здесь этот Сурвило, Феликс Гром не понимал до сих пор. Его дело рассматривали отдельно, и, правду говоря, его судьба вовсе и не интересовала поэта. Впрочем, как и всех остальных, кроме, разве что, его земляка Автуха. Странно, однако, что дело комсомольца-поэта связали с единоличником, с которым он ничем не был связан кроме того, что они были из одной деревни. Феликса Грома уже заметили в литературе, а Козел Автух, по причине своей малограмотности, вряд ли читал даже газеты. Но вот – повязали их вместе.

Не сразу и, возможно, только тут, в тюрьме, Феликс понял, что попал в западню не потому, что начал писать стихи, а потому, что писал их по-белорусски. Русские стихи не вызывали к себе и десятой доли того внимания со стороны редакторов и критиков, которое вызывали белорусские. И он думал теперь, какого черта он стал писать стихотворения, тем более – по-белорусски. Правду говоря, ему больше нравилась русская поэзия – Пушкин, Лермонтов и особенно Фет. Но писать так, как когда-то писал Фет, было невозможно, его засмеяли бы свои же друзья-комсомольцы. Положено было брать пример с Маяковского, который вовсе не нравился Феликсу Грому. И он потянулся к объединению «Молодняк», в которое дружно вступали молодые поэты, и начал писать, как они, – специально приподнято, задиристо, «бурепенно». Старался переиначить в себе прирожденные, а значит, обывательские склонности и вкусы – все это любование бором и лесом, незначительными проявлениями жизни. Старался усвоить другую эстетику, другой словарь, наполненный гулом заводских цехов, дымом фабричных труб, ритмом коллективного труда людей, строителей коммунизма. И, кажется, у него стало что-то получаться. Газета «Советская Беларусь» в обзоре поэзии упомянула его имя в числе молодых пролетарских поэтов. Даже процитировала одну строфу из его лучшего, по мнению критика, стихотворения под названием «Майский день»:

Грымяць і стукаюць машыны,
турбіны радасна гудуць, –
спраўляюць майскія радзіны,
гэта ўдарнікі ідуць.[1]

Окрыленный официальным признанием своего таланта, Феликс написал еще с дюжину таких стихотворений и почувствовал себя заправским певцом пролетариата.

Все у него шло хорошо, и вдруг этот неожиданный арест. Наверно, кто-то настучал, донес за какое-нибудь неосторожно по пьянке сказанное слово. В тюрьме сначала

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru допрашивали только про стихи и разговоры в среде поэтов, а потом, видимо, сообразив, что из этого будет немного улик, связали его дело с дядькой Автухом – признавайся, что польский шпион! Кажется, того же добивались и от Автуха. И добились. По своей крестьянской дурости или, может, не выдержав издевательств на допросах, Автух подписал показания, будто бы Феликс Козел завербовал его в агенты дифензивы, чтобы Автух ходил через границу. И зачем ему надо было вербовать этого малосознательного односельчанина? Зачем им та граница? И зачем все это надо было фальсифицировать органам?

Толчки и дергание машины вдруг прервались, только чуть слышно гудел мотор. Раздался унылый голос чекиста:

– Ну что? Сели?

– Сели на днище, – сказал Шостак.

Феликс Гром деликатно постучал в дверь.

– Может, и я помогу? Все же вчетвером..

Оттуда, с дороги, никто не ответил, но дверь, скрипнув, распахнулась.

– А ну, давай все! Все выходите, мать вашу за ногу! И толкать! Дружно, все разом! – закомандовал помощник коменданта с напусковой, но тем не менее злостью.

Но такая его злость не пугала и не оскорбляла. И Феликс подумал, что, может, этот чекист не такой уж плохой человек. За два месяца тюрьмы, допросов и пыток Феликс натерпелся многого и уже думал, что тут нет ни одного нормального человека, одни звери. А так хотелось в конце встретить человека с добротой в душе, который отнесся бы к нему если не с пониманием, то хотя бы с сочувствием. Все же он был человек. Хотя и поэт. И враг, приговоренный к высшей мере наказания.

Феликс Гром прыгнул в темноту, сразу же чуть ли не до колен утонув в мутной грязи дороги. Однако остальные двое в будке не очень спешили за ним, и помкоманданта Костиков снова перешел на свой привычный, с издевкой, крик:

– Ну, вы! Долго еще ждать, мать вашу растак!

– А скулья тебе! [2] – послышалось из будки; это спокойно отозвался грабитель Зайковский. – Я приговорен, и мне не положено толкать машину.

– Как это – не положено? – опешил Костиков.

– А так! Уголовный кодекс РСФСР, статья сто двадцать семь прим. Читал?

Озадаченный Костиков на минуту замолчал, широко расставив ноги возле будки, чтобы не влезть в самое глубокое место. Тяжело сопя от усталости, молчали и остальные. Феликс Гром получше устраивался в луже, чтобы удобнее было толкать в грязи. Наконец Сурвило сказал:

– Да заливаает он! Никакой об этом статьи нет...

– Неизвестно. Все равно не выйду. Хоть подавитесь! Присудили расстрелять, так будьте любезны доставить в целости и сохранности к месту казни. Понятно?

– Я тебе покажу сейчас место казни! – вскипел Костиков и достал из кобуры пистолет. – Будешь у меня в грязи валяться, как дохлый пес, бандитская твоя морда! – страшно угрожал он, но к дверям не лез – боялся ступить в самое глубокое место.

– А что тебе начальство скажет? – послышалось из машины. – Вез – не довез...

Похоже, ситуация осложнялась. Отделенный широкой лужей, Зайковский пока оставался недосыгаемым.

– Ну, падло, ты у меня дождешься! Я на тебя обоймы не пожалею! Последовательно!

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Давай, дуй! Последовательно..

Последнюю реплику Зайковского Костиков, однако, оставил без внимания – его уже волновало другое. Он молча осмотрел в темноте мокрые лица осужденных, словно пересчитал их.

– А там буржуй этот, – подсказал Шостак.

– Белогвардеец, – уточнил Костиков. – А ну вылазь, гражданин Валерьянов! Ваше сраное благородие!

Из будки показалась лысая, без шапки голова Валерьянова, который сначала сел на порог, поискал, на что опереться ногами, как-то нерешительно перебирая руками.

– Давай соскакивай, не трусь, – подбодрил его Сурвило.

Белогвардеец, однако, не соскочил, а, ухватившись за плечо Автуха, грузно опустился в лужу.

– Ну, взяли! Раз, два – взяли! – шагнув в сторону, закомандовал Костиков, все еще размахивая пистолетом.

Они снова стали толкать машину. Шофер газовал рывками, пытаясь сдвинуть ее из глубоко уже выкопанной колесами ямы. А из будки слышался приглушенный голос покинутого в одиночестве Зайковского:

– Толкайте, толкайте! Дружнее, жалкие рабы социализма! Гнусные прислужники троцкистов! Толкайте на свою погибель! Старайтесь для кровавого ЧК! Давайте, дружнее! Сильнее, крепче и выше!

– Ты смотри, – тяжело сопел Шостак. – Тут кишки рвешь, а он там оскорбляет. Вот сачок проклятый!

– Давайте сильней, пролетарское отродье! Это вам зачтется большевистской пулей!

– Замолчи! Я приказываю замолчать! Стрелять буду! – грозился Костиков, топая на обочине.

Однако осужденный Зайковский не унимался и еще что-то кричал – нехорошее и оскорбительное. Тогда Сурвило первый оторвался от угла будки и посоветовал:

– Да стрельни ты ему в его глотку! До каких пор слушать будем?

– Считаю до трех и выпускаю всю обойму!

– Выпускай! Если казенной машины не жалко! – несло из будки.

Но не успел Костиков начать свой отсчет, как послышался сильный выхлоп мотора, и он заглох. Из-под машины затем полыхнуло синим дымком, и стало совсем тихо.

– Что такое? – замер Костиков.

– Все. Бензин кончился, товарищ помкомеданта, – отозвался из кабины шофер.

Костиков выругался.

Все стояли молча, словно бы кем-то обманутые. И в самом деле: так старались, столько сил потратили, и все напрасно. И снова придется начинать сначала.

– Так! – после недолгой молчаливой паузы определил Костиков. – Шофер, давай дуй в гараж. Пусть присылают бензин.

– Чистякову пусть скажет, – посоветовал Сурвило. – Чистяков в курсе. Подъедет.

– И доложи дежурному, – уточнил помкомеданта. – Давай дуй! Быстрее!

Молодой боец-шофер вылез из кабинки и устало зашагал по дороге в город. Осужденные понемногу выбрались из грязи на обочину. Все ждали, что дальше

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
скомандует их начальник. Тот одной рукой расстегнул шинель, не выпуская из
другой пистолета.

– Так! Думаете теперь пошабашить? Черта с два! А ну, беритесь! Снова толкать
будем!

Не очень охотно все снова полезли в грязь и снова уперлись руками в измазанный
зад машины – Сурвило и Шостак по углам, Автух и Феликс – рядом. Валерьянову
досталось самое гиблое место – посредине. Машина основательно сидела на самом
глубоком месте лужи и, казалось, вот-вот поплывет по ней. Но не плыла, даже не
трогалась с места. Костиков, размахивая пистолетом, снова начал дирижировать с
обочины, а они, мяся ногами грязь, все толкали и толкали.

Но все было напрасно. Машина осела совсем низко, и, похоже, никакая сила не
могла выволочь ее из дорожной прорвы. Вскоре властный голос помкоманданта затих,
и они немного расслабили руки.

– Так не пойдет! – с горечью заговорил Шостак. – Если толкать, то всем. А то как
в бригаде – один вкалывает, а другой отлынивает.

– Кто это отлынивает? – насторожился Сурвило.

– А то не видите? Буржуй этот! Только за борт держится.

Валерьянов, оправдываясь, повел плечами:

– Я не держусь...

– Ну как же! Я сам видел! Еще отпирается, – не умолкал Шостак. – Только вид
делал...

– Кто еще видел? – насупился Костиков.

Остальные, однако, молчали, и помкоманданта начал персональный допрос:

– Единоличник видел?

– Нет, нет. Ничего не видел.

– А ты, поэт?

Феликс Гром смущенно переступил в луже.

– Ну, может, и не очень... Все же в годах человек, – неуверенно ответил он.

– Ага, в годах! Значит, не может? А вредить советской власти может? Так, я сам
прослежу за каждым. Сачка пристрелю без разговоров. И брошу под колеса. Тогда и
вылезем.

Феликс Гром сам толкал, считай, одной рукой, другую не мог поднять высоко –
болело в груди. И теперь он испугался, чтобы это не заметил бдительный Шостак
или сам помкоманданта Костиков. Что ему помешает выполнить свою угрозу:
пристрелит и бросит в грязь. От одной мысли об этом феликс вздрогнул и боязливо
посмотрел на темную фигуру в шинели на обочине.

Они снова толкали. На этот раз по команде, изо всей силы. У Феликса Грома от
боли даже в глазах потемнело. Рядом, чувствовал он, напрягается немало и
белогвардеец-буржуй Валерьянов, наверно, тоже побаивается чекиста. Хотя, если
подумать, чего им было бояться, куда стремиться? Вперед, к своей смерти? А
может, дело в том, что каждый был поставлен перед простеньким выбором, где лучше
лечь – в песчаную сухую земельку или в эту грязь, от которой еще у живых до
колен задубели ноги. Так можно простыть, с иронией висельника подумал поэт
Феликс Гром. Свой катафалк они сами же толкают до места захоронения. Это было
чем-то новым в извечном обряде похорон. Или особых методов пыток? Вот о чем
стоило бы написать стихотворение, балладу или сагу. Но не популярным ямбом, а
гекзаметром, как Гомер. Наверно, Гомер был бы самым подходящим поэтом для этой
проклятой эпохи...

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Раз, два – взяли! А ну – двинули! Еще раз! Еще! – диким голосом кричал рядом Костиков. – Не отлынивать! Сильнее! Еще сильнее!

Раза два он пальнул вверх из пистолета, заставив вздрогнуть их, вспотевших и уже совсем обессиленных.

– Давай! Давай!

И вот – чудо: машина чуть-чуть сдвинулась с места. Они, обрадованные, поддали еще больше, напряглись руками и ногами, и она двинулась еще, поползла в грязи. Те, что были в самой середине, Гром и Валерьянов, влезли в самую глубину, но не отодвинулись, не убрали рук от будки. И наконец все вместе вытолкнули измазанную грязью машину с самого глубокого места. И хотя по всей дороге было грязно, но страшная и глубокая лужа осталась позади. Усталые, они все остановились.

– Ну вот, такую вашу мать! – почти ласково выругался помкомеданта. – Что значит умелое руководство! А то – ослабли, силы мало... Заставить надо! Десять минут перекур! – объявил он и отошел на сухое место у канавы.

За ним нерешительно повывезали из грязи осужденные. Чекист засунул пистолет за борт шинели и вынул из кармана пачку «Беломора». Первому, как другу, протянул пачку Сурвило.

– Угощайся.

Тот грязными пальцами осторожно вытянул из пачки одну папиросу, осторожно прикурил от закрытой ладонью спички. Над дорогой поплыл ароматный табачный дымок.

– За ударную работу по ликвидации ЧП при исполнении задания объявляю благодарность, – с фальшивой торжественностью объявил Костиков.

Осужденные даже вздрогнули от этих давно стертых из памяти слов, услышав в них пронзительный отзвук навсегда отрезанной от них жизни. Они, конечно, поняли их сейчас как шутку, но и шутка эта была признаком жизни, недостижимостью которой словно дразнил их этот чекист, чем делал им еще больнее.

Один только Шостак, пожалуй, готов был серьезно принять сказанное.

– Спасибо, товарищ.. Гражданин начальник. Чтоб это зачлось...

– Зачтется, зачтется, – неуверенно пообещал помкомеданта.

– На том свете, – ухмыльнулся Сурвило.

– Почему на том? – не согласился его коллега. – И на этом. Я вам предоставлю самую лучшую ямку. Сухую, с желтым песочком... Не хуже, чем ударникам социалистического соревнования.

Было непонятно, говорил он это серьезно или хитровато издевался над ними, в предрассветной темноте было плохо видно выражение его всегда живого молодого лица. Но голос казался доброжелательным, и это невольно успокаивало.

– Ну ведь я вот – невиновен, – сделал шаг вперед Шостак. – Это правда. Вот тот следователь, товарищ Кутасов, знает. Я не вредитель.

Костиков сладко затянулся папиросой и медленно выпустил длинную струю дыма.

– Ну, конечно, невиновен. Если бы ты был виноват, тебе бы на следствии кишки вымотали. Кости бы переломали. Жену бы на твоих глазах того... Если бы был виноват. А так – спокойно застрелим на основном пригорке. И все. Правда, буржуй? – вдруг обратился он к Валерьянову, который стоял немного вдали от остальных.

Похоже, он хотел зацепить Валерьянова, но тот не ответил на его вопрос. Он и не услышал его, этого молодого самоуверенного чекиста. Валерьянов уже немало повидал их на своем веку, начиная с девятнадцатого года, когда его расстреливали в Алуште. Он думал потом, что если бы тогда расстреляли, не было бы этих мучений и унижений, которые он пережил за все последующие свои годы. Но в Алуште не

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru расстреляли. Только довели до дистрофии и выпустили умирать самостоятельно. Продержав три недели среди полсотни бывших офицеров Добровольческой армии в сыром винном погребе без еды и воды, не выпуская по естественной нужде. Это последнее угнетало Валерьянова больше, чем голод, он долго не мог привыкнуть ходить по большому и малому на глазах у разных по возрасту и чину людей и уже тогда понял нелюдскую суть чекистов. Они – нелюди, так и нужно было их понимать, если только нормальным умом можно было что-то понять. Родной брат Валерьянова, милый поручик Аркадий Аркадьевич, так и не понял, очевидно, с кем имел дело, – горячился, протестовал, спорил. И сошел с ума. Пристрелили, как собаку, и бросили в придорожный бурьян. Он же вот выжил главным образом потому, что не протестовал, никогда ни с кем не спорил, вел себя ниже травы, тише воды. А в результате чего дождался? Того же, что и брат. Только лет на пятнадцать позже. Стоило ли хранить себя?

Тем временем стало светлее. По обеим сторонам дороги выплыл из темноты полевой простор с пригорком вдаль и придорожным кустарником вблизи. Сверху то накрапывал, то прекращался мелкий дождь, со стороны поля дул влажный западный ветер. На пригорок взбегала грязная разъезженная дорога с залитыми дождем колеями. Горожане ездили тут нечасто, а колеи были от машин наркомата внутренних дел, который только и пользовался этой дорогой. Особенно по ночам. А то, бывало, и днем, во время московских проверок, когда в городе срочно разгружались тюрьмы.

То, что Валерьянов никак не отреагировал на замечание, не понравилось Костикову.

– Ты, буржуй! К тебе обращаются!

– Я слышу, – тихо, одними губами, ответил Валерьянов.

– Благодарю мою доброту. Хотел пристрелить.

– Спасибо...

– Вот! А то не напомнишь – не поблагодарят. Буржуйская невоспитанность...

– К своим так они слишком воспитанные, – подхватил Шостак. – Все: благодарю, благодарю...

– К своим. Но не к пролетариату, – заметил Сурвило. – Пролетарии – их враги.

– Наверно, мало стреляли, – сказал Шостак.

– Стреляли немало. Но всех еще не перестреляли. Все за виной гнались. За доказательствами и признанием. Больше бумажки писали, – как о чем-то наблевшем, с горечью заметил Сурвило.

– А что писать? – удивился Шостак. – Разве сразу не видно: контра. Вот этот: жилетка, гамаши, коверкот...

– Может, еще и галстук завязывал? – заулыбался Костиков.

– Завязывал, – тихо ответил Валерьянов. – Как каждый интеллигентный человек...

– Вы посмотрите: его арестовывают, а он завязывает галстук. Разве что повеситься в тюрьме.

– Чтобы уклониться от наказания, – сказал Сурвило. – Но такой номер у нас не пройдет. У нас порядок!

Чтоб они задушились с их порядками, дрожа на ветру от сырости, сердито думал Автух Козел. С разными их порядками он уже немало познакомился – и не только в тюрьме. Особенно в последние годы, как стали его допекать за то, что он – единоличник. Было бы за что... Разве он против советской власти или против коммунистов? Но ведь он должен был кормить семью, жить собственным трудом. А ему говорят: в колхоз. Посмотрел он, как те разумные хозяйничали в их колхозе. Неубранная картошка гнила в земле до морозов, убранное зерно пропадало невысушенное в артельном амбаре. Инвентарь за два года совсем развалился, не было кому телеги починить. Те, кто умел, поубегали в свет, умных пересажали, а кто остался? Бабы и немощные деды. И, конечно, его единоличное хозяйство было

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru для них как бельмо на глазу. Весной обрезали землю, оставили одну болотную неудобницу с кустарником. Пойдешь в колхоз? Нет, не пойду. Тогда обрезали пастбище, чтобы не было где пастись корову. Потом постановили ликвидировать амбар, потому что, видите, строили колхозный сарай, потребовались материалы. Перевезли все в колхоз, где за зиму те бревна растащили на дрова. Уже не стало куда выпускать и кур. Снова приехало начальство: ну, пойдешь в колхоз? Сказал: не пойду, на своей земле помирать буду. Тогда трактором перепахали дорогу – от хутора до большака. Чтоб не протоптал тропы, засеяли викой. Обходил ту вику за версту по лесу. Тогда сказали, будто через лес он ходит в Польшу. Чтобы им к своей могиле так ходить, думал Автух.

Уже все позабыли. Обрезали по самые окна, а потом стали поглядывать на его молодого коня. Свои лошади стали, как жерди, – от бескормицы и непосильной работы, а его конь был, как нарисованный. Выхоженный из жеребеночка от собственной кобылки, он был мил хозяину, может, больше, чем жена, чем даже взрослые дочери. Бывало, Автух возит с поля снопы и до вечера так устанет, что нет силы сесть за стол. И не удивительно: целый день на каждой горке подставляет под бричку плечо, подталкивает, помогает, словно в парной упряжке. Правда, и конь будто бы понимал хозяина, старался, напрягал жилы на молодых тонких ногах, вез все, сколько ни нагружай в воз. Как было отдать такого в общее артельное пользование, где его бы заездили за одно лето, надорвали, испортили. И все же украли. Однажды под вечер отвел его попастись на свежую отаву, спутал, но не надел замок, пожалел натруженные за день ноги. И украли. Автух сразу узнал кто, впрочем об этом знала вся деревня, был у них один такой конокрад, украл он у Автуха не у первого. Бросился Автух в милицию, в район, к прокурору. И ничего. Все вежливо слушали и даже сочувствовали, но искать и не думали. А то, что он сам указал кто вор, во внимание не брали. Говорили: нужны доказательства, а доказательств нет. Но какие им еще доказательства, когда всем вокруг известно, что этот Балазей давно крадет лошадей и сбывает их цыганам на Полесье. Оказывается, нет, нужны доказательства. Такой порядок.

Там нужны были особые доказательства, а вот тут можно наказывать и без доказательств. Автух никогда и не думал ходить за границу, зачем ему была та Польша, а они говорят: ходил. Как будто они там его поймали. Или хотя бы кто-нибудь там его видел. Но написали: ходил, и все. Признавайся!

И он, дурак, признался, послушался этого партийца и подписал что подсунули. Думал, этим выгадает. Но не выгадал – прогадал до конца. Стал польским шпионом. Вот подарочек сделал себе и дочерям. И всей родне. На всю их жизнь...

– Большевистский порядок! – согласно подтвердил Шостак. – Мышь не проскочит.

– А ты помолчи! – неожиданно обрезал его Костиков. – Ты предатель.

– Я? – побелел от обиды Шостак.

– Ты, ты, – ровным голосом повторил помкоманданта.

– Вот тот, – он кивнул в сторону Валерьянова, – тот не предатель, потому что он враг открытый. Белый офицер и так далее. А ты – и нашим, и вашим.

– Я не вашим... То есть, не нашим! – от волнения Шостак начал путаться. – Я служил партии, я большевик. Меня тут это. По ошибке.

– Ладно, – махнул рукой Костиков. – Разберутся...

Как это – разберутся, не мог понять Шостак. Кто разберется? И когда? Что все это значит? Слишком неопределенными были эти слова чекиста, но в своей неопределенности они несли какой-то зародыш спасительной надежды. А вдруг и в самом деле еще не все потеряно? Что-то еще исправится... И Шостак, угрюмый и одновременно немного обнадеженный, с обидой в душе отошел в сторону. Ближе к помкоманданта подошел Сурвило.

– Ты скажи, – тихо, чтобы не слышали другие, спросил он. – И меня?

– И тебя, – глянул на него светлыми глазами Костиков.

Сурвило сделал вид, что это его не очень удивило.

– С ними вот, вместе? – кивнул он на остальных.

– Ну, это... Посмотрим, – неуверенно сказал чекист и пустил густую струю дыма в лицо бывшего коллеги.

От этих слов Костикова у Сурвило тоже появилась маленькая надежда.

Конечно, у него и в мыслях не было, что недавний коллега пожалеет его, не исполнит приговор. Или даже не так, как надо, его выполнит. Но, наверно, он все же мог что-то изменить в этом исполнении, сделать его по возможности приличным для своего человека-чекиста. Хотя бы и осужденного. Потому что даже одинаковый приговор не уравнивал его с этими врагами народа, он и после смерти хотел оставаться солдатом армии Дзержинского. Естественно, и у него случались отклонения, иногда он ошибался, иногда не хватало образования. Как в том случае с молодой студенткой, которую ему пришлось расстреливать. Но тогда он был молод, а девушка была уж очень славная в своей девичьей красоте – стройненькая такая, с большими удивленными глазами и привлекательным личиком. Сурвило не отважился выстрелить. Он выстрелил мимо. Чтобы не в затылок, целился рядом с ухом. Она все равно свалилась в яму, наверно, потеряв сознание от страха, там и осталась, заваленная следующими телами. Никто этого не заметил и не узнал никогда, но все равно Сурвило чувствовал за собой вину. Понятно, у него тогда был совсем небольшой чекистский опыт, он поддался девичьей привлекательности. Забыл, что перед ним прежде всего разоблаченный враг народа. И он помнил этот свой позорный поступок и, может быть, поэтому и старался. Это усердие дало свои плоды, и потом, уже в следственном отделе, он показал за полгода наилучший результат – 127 человек, приведенных к высшей мере, – больше, чем у кого-нибудь другого.

И вот теперь его самого...

Не успели они отдышаться, немного прогнать усталость, как вдали на дороге из города появилась машина – снова большая будка. Покачиваясь на колдобинах, она подъехала ближе и остановилась. Из машины выскочили трое стрелков в шинелях, с винтовками и бросились к осужденным.

– Отставить! – спокойно сказал Костиков. – Все в порядке.

Шоферы принялись переливать из банки бензин, а осужденных Костиков снова загнал в будку, где их встретил недовольный Зайковский.

– Не дали и поспать...

– Выспишься! – сказал Сурвило. – Скоро заснешь вечным сном.

– А хрен с ним! Чем такая жизнь! – выругался грабитель и снова вытянулся поперек будки своим длинным телом.

Они снова небыстро ехали по грязной разбитой дороге, за ними тихо гудел мотор другой машины. Все, однако, понимали, что вскоре их затянувшийся путь закончится. Каждый старался не очень думать о самом-самом конце, но все равно думалось. Феликс Гром еще с момента суда и приговора все представлял себе, как его будут расстреливать. Детально эту страшную процедуру он, естественно, не знал, но в кино видел, как расстреливали парижских коммунаров. Ровная шеренга стрелков, выставленные вперед палки-винтовки, направленные в тех, кто стоял у каменной стены. Жертвы в белых рубашках, с гордо поднятыми головами. И залп. Легкий синий дымок от винтовочных стволов, проклятие тьеровским палачам... Красиво!

Но где тут для них шеренга стрелков? Три винтовки – те, в задней машине, да пистолет у начальника – какой тут залп? И кто закричит проклятие? Уж он, Феликс, не будет кричать ничего – пусть сгорят все они вместе: и палачи, и их жертвы. Все время, что провел он в тюрьме и на следствии, он нарекал на Автуха и его крестьянскую дурость. А как теперь выяснилось, были там арестанты и похуже, чем Автух. Хотя бы вот этот Шостак. В камере Феликс еще разговаривал с ним, что-то рассказывал о литературе. И надо же было! И разве такой один Шостак? Хорошо еще, что с ними не сидел этот Сурвило, наверно, его держали в отдельной камере. Для чекистов и камеры особые. Как и все остальное у них в жизни. Только поэт – среди простого народа, без каких-либо выгод и привилегий. Феликс Гром уже искренне

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru сожалел, что когда-то втянулся в литературу, учился, – лучше бы остался неграмотным. Его младший брат окончил четыре класса и работал в колхозе. Как-нибудь проживет без книг и без стихов. А что ему, Феликсу, дало его стремление в литературу?

Но ведь вот и дядька Автух тоже не писал стихотворений. И навряд ли когда-нибудь читал их. А теперь они, наверно, будут в одной яме вместе.

Да, Автух Козел думал в это время не о каких-то там стихах, у него была совсем иная забота – картофельная. Конечно, он понимал, что не время думать об этом, но вот думалось, и все тут. Рядом с лесом остался шнурок неубранной бульбочки, не успел убрать, потому что не стало коня. А ту полосу надо было убрать прежде всего. А то пойдут дожди, низину зальет, тогда и с конем туда не сунешься. Догадается ли об этом жена? Пропадет картошка, а что есть зимой? Хотя теперь едоков и станет меньше, но станет меньше и работников. Опять же вся живность...

Машина тяжело наклонилась всей будкой, потом задралась вверх кабиной, свернула вбок, перевалила через какой-то ров и сильно встряхнула всех пассажиров. Зайковский недовольно поднялся в темноте и сел, прислонившись спиной к железной стенке. На этот раз сидел тихо, не ругался. И остальные поняли, что, наверно, приехали. Дверь будки пока не открывали, их не выпускали. Там, на дороге, о чем-то переговаривалась охрана, кто-то побежал звать кого-то. По всему видно, там готовились.

И вот, наконец, дверь будки открылась. Немного наклоненная, машина стояла в молодом хвойном леске.

– Выходи! По одному!..

Никто в будке, однако, не тронулся с места, все сжались, замерли и ждали. Только чего ждали? Тут же в дверях появилось живое улыбающееся лицо Костикова. Он прежде всего грубо выругался.

– Ты! – уперся он взглядом в первого, кого увидел в темной будке, – это был Автух. – Выходи!

«Почему я первый? Почему я первый?» – с обидой подумал Козел и неуклюже вывалился из машины. Вокруг тихо стояли деревца-сосенки, и возле них замерли полные внимания молодые парни-бойцы. Невдалеке и немного в стороне желтел песчаный пригорок. Все было понятно...

– Ну? Вперед!

С непонятной злостью Костиков толкнул Автуха в плечо, тот зацепился раскисшим от грязи лаптем за траву и упал. Сердце его сильно билось в груди, было как-то не по себе за свой непутевый, нищенский вид, особенно перед этими чистенькими молодыми хлопцами в военном, которые теперь с особым вниманием уставились на него. Автух торопливо поднялся и уныло потопал к яме, стараясь задушить в себе обиду: почему меня первого? Разве я самый опасный враг?

– Ну, крестись, – уже тише, без прежней злости в голосе сказал Костиков.

Автух, боясь не успеть, торопливо перекрестился – по-православному, справа налево. И стал ждать.

– На колени!

На самом краю ямы он послушно опустился на колени. Тронутый лаптями желтый песок посыпался вниз, и Автух испугался, что свалится туда раньше времени. Но не свалился, только закрыл глаза и ждал.

– Это не страшно, – сказал сзади чекист и лягнул затвором пистолета, дослав первый патрон.

Только Автух глянул в бездну глубокой ямы, как выстрела уже не услышал. Казалось, яма сама бросилась навстречу и навсегда обняла его песчаной своей глубиной.

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Так! Один есть! – бросил помкомеданта и пошел к машине.

Его работа началась, он делал ее привычно и точно, как и каждый день.

Снова в машине все замерли, притихли, ожидая, кого он позовет следующим. И тогда он увидел или, может, припомнил Зайковского, который теперь молча подпирал заднюю стенку будки.

– А ну ты, бандюга!

Пригнувшись, Зайковский рванулся к двери, решительно выскочил из машины.

– Руки назад! Назад руки!!!

– Куда назад? Вот, сломано, не видишь?

– Я тебе сейчас и другую ломаю! – дернул его за рукав пиджака Костиков.

Зайковский, однако, уклонился.

– Не хватай! Поручено – стреляй! Но без рук!

– Ах ты, бандюга!

– Я не бандюга! Я более политический, чем вы все, вместе взятые!

– Вот как!

– Вот так!

– Ну, пошли, – немного спокойнее сказал Костиков, показывая пистолетом в сторону ямы.

Бойцы, стоявшие вблизи, подняли штыки. Наверно, такое они слышали не каждый день.

– Ты это вот что! – вдруг остановился Зайковский. – Будут самого расстреливать, так чтоб не в этой яме. Чтобы нам не смердел.

– Ах ты говно! – выверился Костиков и выстрелил Зайковскому в грудь – раз, второй, третий.

Тот неуклюже повалился на рассыпанный возле ямы песок. Под его телом начала расплываться кровавая лужа.

– Будет мне еще угрожать... Угрожать мне! – не мог успокоиться Костиков.

Злые слова расстрелянного чем-то заделали чекиста. Он немного постоял с пистолетом в руке, наблюдая, как вздрагивает в последних конвульсиях большое тело бандита. Откиннутая в сторону здоровая рука Зайковского сгребла пучок мокрой травы, но не вырвала. Пальцы медленно разжались...

Почти спокойное сначала настроение Костикова стало заметно портиться. Привычный процесс приведения в исполнение приговора явно нарушался, и причиной был этот московский бандит. Со своими белорусскими врагами народа Костиков не имел особых хлопот, они всегда были послушными и у ямы вели себя, как овечки. Тюрьма, долгие месяцы допросов, суд ломали их окончательно, и расстреливать таких было даже скучно. Некоторые, правда, особенно из числа партийцев, перед смертью кричали: «Да здравствует Сталин!», или коммунизм, или мировая революция, хитро рассчитывая, наверно, на его снисхождение. Он не возражал: пусть здравствуют, если им этого хочется, и вгонял очередную пулю в очередной затылок. Уж он насмотрелся разных этих затылков: черных и рыжих, гладких и кучерявых, с серебристой сединой и совсем голых, облысевших. И никто ни разу не оскорбил его, не выругал даже, – вот что такое политически сознательный материал, не то что эта уголовная приبلуда.

– Выходите два сразу! – громко скомандовал Костиков. – Ты, белогвардеец, и ты, сраный поэт! Живо!

Феликс Гром послушно выскочил из машины и остановился, ожидая напарника. Валерьянов ослабело и неуклюже стал вылезать из будки – повернулся на живот, дотянулся ногами до земли. Выпрямился и дрожащими пальцами стал застегивать пуговицы бобрикового пальто. А может, жена все же выживет, подумал он. Что-то все-таки означает ее пролетарское происхождение. Да и дети... Хоть и без родителей, но все же лучше, чем небытие. Жизнь есть жизнь, какая бы она ни была...

В расстегнутой тужурке, специально заложив руки назад, терпеливо ожидал последней команды Феликс Гром. Он мало что видел вокруг, глаза его некстати стали мокрыми, было страшно обидно за свою без времени загубленную жизнь. Загубленную из-за недавно еще самого для него святого – поэзии. Будь она проклята! Лучше месить навоз в колхозе, не читать никаких книжек. Но кто знал, что все так окончится? Очень и очень жаль. С этим сожалением в душе он и пошел к желтому песчаному пригорку, за которым его ожидало ничто.

Бойцы уже стянули в яму успокоившееся тело Зайковского. Рыхлый пригорок был сильно растоптан их сапогами, край ямы стал более удобным, плоским. Валерьянов без напоминания опустился на колени, трижды перекрестился и замер. Он был готов принять свою долгожданную гибель. Хотел помолиться, но подумал, что не успеет. Феликс Гром устраивался рядом, но что-то ему мешало. Только Валерьянов глянул вниз и заметил, что тут неглубоко, как два негромких выстрела сзади свалили их обоих в яму.

В машине остались последние – Шостак и Сурвило. Костиков крикнул:

– Предатель, выходи!

В дверях показался Шостак с белым, как мел, лицом.

– Я, что ли?

– Ты, ты! Выходи!

– Я не предатель. Я уже объяснял. Это ошибка...

– Какая тебе ошибка! – выверился Костиков. – Все написано и подписано. Шагом марш!

Весь бледный и растерянный, Шостак соскочил с машины и начал поспешно и судорожно зевать, оголяя гнилые, обломанные зубы.

– Но ведь... Меня нельзя стрелять... Я ведь член партии!

Такие слова у ямы помкоманданту Костикову приходилось слышать нередко, особенно когда приводили группу партийцев. И у него уже был подготовлен в ответ испытанный аргумент, который всегда действовал безотказно.

– Если ты член партии, – закричал Костиков, – то какого хрена ты оказываешь сопротивление органам?

– Я, я не оказываю...

– Тогда марш! Марш к яме! Или помочь?

Шатаясь, будто пьяный, Шостак побрел к яме. Но на раскопанном пригорке снова остановился.

– Неправильно вы...

– Все правильно! – сказал помкоманданта и выстрелил ему в затылок.

Костлявое тело Шостака медленно свалилось в яму – к тем, кто уже был там.

Когда Костиков вернулся к машине, там уже стоял вылезший из нее Сурвило. Его угрюмое лицо стало совсем свекольного цвета – от усталости или душевных терзаний.

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

– Что, и меня туда? – спросил он, неподвижным взглядом уставясь в песчаный пригорок.

– А куда же? Отдельной ямы у меня нет.

– Выкопай.

– Еще чего не хватало!

– Давай, я сам.

– Копай! – подумав, согласился Костиков. – Все равно опоздали. Шофер, неси лопату!

Молодой шофер из передней машины принес лопату. Сурвило двумя руками потрогал палку, осмотрелся вокруг.

– Где? Здесь?

– Хоть бы и здесь. Давай! Только живо! – сказал Костиков, не пряча, однако, пистолет.

Сурвило начал копать – темпераментно, нервно, бросая в стороны полные лопаты земли. Наверно, все же волнуясь, он не очень думал об аккуратности и вместо прямоугольника могилы копал почти что круглую яму. В сосняке было нехолодно, светало. Сурвило быстро нагрелся, лицо его вспотело и стало еще более красным. На минуту остановившись, он стянул с плеч рыжую кожанку, бросил ее под ноги Костикову.

– На, возьми. Зачем пропадать...

Замазанным в грязи хромовым сапогом Костиков презрительно отбросил кожанку из-под ног. Сурвило не стал упрашивать – не хочет, не надо. Ему уже ничего не было надо. Кроме вот этой отдельной могилы. Тут ему будет спокойнее, чем в общей, рядом с врагами народа. И все же его распирала обида, умолчать о которой у него не было сил.

– За что? Честного работника органов! Что я нарушил? Безвинного врага убил? Да их тысячами убивать надо! Я старался! Четыре года премировали. За ударную работу, к годовщине Октября. И все напрасно. Пожалели врагов, шпионов, нацдемов! И это правильно? Нет! В органы пробрались враги, вот оно что! Они среди нас!

– Хватит! – с надрывом приказал Костиков. – Лучше помолчи!

– Я молчал! Все лето молчал. Как и ты! Как и сотни чекистов. И вот меня за это...

– Молчи и копай! – все больше злясь, крикнул Костиков.

– Нет, уже скажу. Вот и ты... Думаешь, уцелеешь? Службой откупишься? Нет! Придет и твоя очередь...

– Молчать!

– Нет, уже скажу! Мы пауки в банке! Узнает Сталин...

Видимо, это было уже слишком. Невдалеке с винтовками наготове стояли бойцы охраны, полный тревожного внимания ждал у машины молчаливый шофер. Все с удивлением уставились в знакомого чекиста, копавшего себе могилу и говорившего что-то странное. Наконец Костиков приподнял пистолет, не прицеливаясь выстрелил два раза. Выпустив лопату, Сурвило будто сломался в коленях и боком осел на раскопанный песок.

– Добей же... – он выжал из себя чуть слышно.

Костиков сделал шаг вперед и выстрелил ему в голову. На траву и песок брызнуло серыми шариками мозгов.

– Возьмите туда, к остальным, – приказал он бойцам.

Желтый песочек. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Закинув за спины длинные винтовки, бойцы взяли бывшего чекиста за руки, потянули к яме. Костиков пошел к машине.

Эта проклятая ночь совсем вымотала его силы. Заметно начала изменять выдержка, как ни старался он вести себя сдержанно. Казалось бы, несложная работа, но каждый день одно и то же. Везут и везут, будто баранов, когда уже будет этому конец? Вон сколько накопили ям за весну и лето. И сколько еще будет накопано новых...

Костиков окинул взглядом прогалину между сосенок на склоне – наверно, за осень заселят и ее. И просто где-нибудь здесь окажется и его яма...

В этой жизни все очень просто.

Примечания

1 Гремят, работают машины,
Сияет в этот день народ.
Пусть радостно гудят турбины,
Идут ударники вперед!

2 "А скулья табе"(бел.) – "А хер тебе".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!